

ВЕЛИКОГО ДЕРЗАНИЯ ЧЕЛОВЕК

Нам дорого каждое сбереженное истощенное слово о Ленине его друзей и товарищей по борьбе, людей, лично знавших великого вождя. Сегодня мы публикуем документ, в котором автор вспоминает Ильичем в разные годы жизни. И хотя письмо было написано в скорбные дни января 1924 года, в нем — не только боль по поводу тяжелой утраты. Это живой человеческий документ о живом Ильиче — великом и простом.

Автор письма — друг и помощник А. М. Горького, выдающаяся русская актриса и общественная деятельница Мария Федоровна Андреева (1868—1953). Письмо было послано Горькому из Берлина, где в то время М. Ф. Андреева работала в торговом представительстве СССР.

Документ подготовлен для опубликования в газете «Советская Россия» сотрудниками Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Печатается с небольшими сокращениями.

29 января (1924 г.).

Начала писать тебе в тот день, когда пришло известие о кончине Владимира Ильича, и не смогла.

Такое было острое чувство тоски от утраты и своей, и общей, что все было трудно и все казалось ненужным и таким ничтожным.

Великого мужества, великого дерзания и глубокой, крепкой честности ушел из мира Человек... А мне все вспоминается тот Ильич, который жил на Капри и грустно отдыхал от тяжелого труда, разочарований, охотно хохотавший при каждом остроумном слове от самой маленькой человечечей радости... Ты когда-то в Москве, на собрании, говорил мне сказали, что Владимир Ильич представляется тебе Человеком, который взял Землю в руки, как глобус, и ворочает ее — как хочет. Но мне чувствуется, что хотение его всегда было от жестокого сознания долга. И не всегда приятно ему. Мне один раз при-

Еще одна страничка в Лениниану

о своих встречах с Владимиром Ильичем в разные годы жизни. И хотя письмо было написано в скорбные дни января 1924 года, в нем — не только боль по поводу тяжелой утраты. Это живой человеческий документ о живом Ильиче — великом и простом.

Автор письма — друг и помощник А. М. Горького, выдающаяся русская актриса и общественная деятельница Мария Федоровна Андреева (1868—1953). Письмо было послано Горькому из Берлина, где в то время М. Ф. Андреева работала в торговом представительстве СССР.

Документ подготовлен для опубликования в газете «Советская Россия» сотрудниками Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Печатается с небольшими сокращениями.

шлось услышать от него признания: «Что делать, М. Ф., моя милая моя! Надо!! Необходимо!!! Нам тяжело? Конечно... Вы думаете, и мне не бывает трудно? Вон Дзержинский — поглядите, на что человек похож! Надо. Ничего не поделаешь. Пусть лучше нам будет тяжело, только бы выиграть». Помню, д. б. (должно быть), точно. Да я тебе тогда, приехав из Москвы, рассказывала, если память не изменяет. О себе — он мало думал. Помню еще одного жест: мы ехали вместе из Петербурга, ему подали его автомобиль с любимым шофером. Гиль бывший у каких-то высочайших особ, но любивший и гордившийся Владимиром Ильичем, сам мне говорил: «Этот не похож на других. Этот никогда не ругается. не комиссарит, Этот — особенный. Этого нельзя не признавать»; спускаемся по Мясницкой, движение большое, много ломовиков, Гиль дудит, кричит и лезет напролом, ни с кем не считаясь. Владимир Ильич волновался-волновался,

сидя рядом со мной, потом не выдержал, открыл дверь, по подножке добрался до самого Гиль и стал его увещевать — «Гиль, пожалуйста, не шумите, не вылезайте. Поезжайте — как все! Вы видите, сколько народу»...

Помню его в Немировичевой ложе Художественного Театра. Этот театр ему, не выдававшему хорошей русской драмы, очень нравился. Ему устраивают прием, подают чай с сахаром, бутербродами с ветчиной и с пирожными. Ильич искренно и наивно волнуется, смущается и огорчается, зачем все это устроили.

В голову лезут тысячи всяких мелочей — из далекого прошлого, из недавнего, из последних встреч. И последняя была — я пришла к нему говорить о кинематографе, он очень интересовался этим и считал важным вопросом наладить производство у нас.

По обыкновению я волновалась, горячилась, он долго что-то слушал, а потом вдруг говорит — «Какая Вы еще, М. Ф., молодая! Даже румянец во всю щеку от волнения... Краснеть не разучились. А вот я — уставать стал. Сильно уставать». И так мне жалко его стало, так страшно.

Мы крепко обнялись с ним и я вдруг почему-то заплакала, а он гоже, отирая глаза, стал укорять меня и убеждать, что это очень плохо.

Так, значит, больше и не пришлось увидеться. Вспоминаешь о нем, и чем больше вспоминаешь мелочей, тем больше становится он сам — Человек.

Как бы велико ни было будущее и его завоевания, такие люди останутся гигантскими фигурами и для будущего.

И — представь: Н. Н. Крестинский* говорит — просто, очень искренно, очень волнуясь, но очень сдерживается...

А когда сказал — «встанем, товарищи, и споем Интернационал, как завтра его пять будут в Москве, когда будут хоронить Владимира Ильича» — лицо у него стало какое-то детское, брови поднялись, голос сорвался и — заплакал. И вдруг этот чужой, нелюбимый мною человек — стал таким родным, понятным и близким. Пусть не надолго, но ведь вот — есть нечто, что может сделать такое чудо — объединить духовно людей, и это не только горе об утрате, ей-богу, не только это. Это общее — вера, мысль, то, символом чего стал Владимир Ильич.

В одном больше, в другом меньше, но в каждом, в ком есть эта вера и мысль, — объединенные люди.

Пусть это сентиментально, пусть — но когда среди цветов опустился портрет Владимира Ильича, как живой, даже глазок его прищуренный, а руки, не поместясь на экране, легли на знамена, склоненные перед его портретом, сердце забилось от волнения — тоже символ, даже после смерти — руки на знаменах, даже Н. Н.* — не мог скрыть глубокого волнения его волнение — тоже знаменательно. Вот Н. Н. — а как его потрясло! Больше, чем многих, кого я вижу. Хотя много людей горюют глубоко и искренно.

Ну — прощай, друг.

* Н. Н. Крестинский — в те годы полпред СССР в Германии.

Сов. Россия, 1964, 3 марта